

УДК 811.163.1'373+232.9

**ИНДИВИДУАЛЬНОЕ НАЧАЛО
В ПЕРЕВОДЧЕСКОМ ТВОРЧЕСТВЕ
ЕПИФАНИЯ СЛАВИНЕЦКОГО***Н.Г. Николаева***Аннотация**

В статье рассматриваются различного рода проявления индивидуального переводческого стиля в творчестве выдающегося представителя течения грекофилов Епифания Славинецкого на примере особенностей сделанного им перевода «Богословия» Иоанна Дамаскина. Цель работы состоит в раскрытии не изученной до настоящего времени стороны творчества грекофилов, которая представляет воплощение в жизнь их идеологически обусловленного понимания точности передачи греческого текста в новом свете. В статье затрагивается также ряд частных вопросов истории литературного языка в целом и переводческой техники Епифания в частности.

Ключевые слова: история церковнославянского языка, грекофилы, Епифаний Славинецкий, теория перевода, греко-славянские соответствия, межъязыковая интерференция.

Епифаний Славинецкий, известный книжный деятель XVII века, негласно стоял во главе направления, обозначенного как грекофильское течение в истории русской книжности и развивавшегося главным образом в скриптории Чудова монастыря в Москве, где оно сформировало своего рода переводческую школу. В 1656 г. Епифаний перевёл, основываясь на своей лингвофилософской концепции, «Точное изложение православной веры» Иоанна Дамаскина, которое наряду с другими его переложениями святоотеческой литературы было издано в «Сборнике переводов Епифания Славинецкого» (Сл.) в 1665 г. и явило новый вариант церковнославянского «Богословия».

Это был первый полный перевод догматического трактата с греческого языка в восточнославянском языковом пространстве (предшествующий ему полный перевод кружка А.М. Курбского был выполнен с билингвы с основной ориентацией на латинский текст и был мало известен в Московской Руси). Таким образом, он непосредственно продолжает традицию первого славянского «Богословия», переведённого болгарским экзархом Иоанном, имевшего длительную рукописную историю, испытавшего вследствие этого разного рода трансформации, порчу и редактуру и уже не удовлетворявшего укрепившемуся на Руси с веками православному знанию ни своим языковым воплощением, ни, прежде всего, содержательной недостаточностью (текст существовал в первоначально заданном ему экзархом объёме 48 глав из 100).

Перевод Славинецкого в истории церковнославянского «Богословия» практически с самого своего появления воспринимался скорее в негативном ключе, сопровождаясь неявной (со стороны архиепископа Амвросия Зертис-Каменского в предисловии к его переводу «Богословия» 1774 г. (ЗК)) и явной (со стороны К.Ф. Калайдовича [1, с. 37]) критикой. Хрестоматийным уже стало высказывание одного из выходцев чудовской школы, Фёдора Поликарпова, о переводческой манере Епифания Славинецкого: его переводы отличаются *необыкновенною славянизною, паче же еллинизмом, а за тем о них мнози недоумевают и отбегают* (цит. по [2, с. 114]). Объективного же разбора его переводческой версии «Точного изложения православной веры», насколько нам известно, никто не делал, а такой анализ мог бы не только уточнить принципы переводческой концепции грекофилов, но и определить место данного перевода в истории дамаскинского «Богословия» в древнерусской церковнославянской традиции.

Грекофилы – уже исходя из их прозвания – высоко ценили греческий язык и стремились не растерять его великолепия при переложении греческих текстов на церковнославянский. По воспоминанию ученика и последователя Епифания Славинецкого инока Евфимия, книжник так характеризовал греческий: **о, како веліе есть благо гаснаго ўченіа греческаго лѹча, еюже мрачнаа невѣдѣша тма разрешаетса, востокъ и западъ озараетса, сѣверъ и югъ просвещаетса и вса селеннаа облистана бываеть** (цит. по [3, с. 100]). Сам Евфимий кратко сформулировал принцип перевода следующим образом: **и подобаетъ истин(н)у и праву преводити ѿ слова до слова, ничто разѹма и реченій прѣмѣнннн** (цит. по [4, с. 304]).

Действительно, на первый взгляд представители чудовской школы во главе с Епифанием Славинецким при переводе обращают особое внимание на внутреннюю форму греческого слова, прибегая к калькированию его структуры, копируют греческий синтаксис, специалисты отмечают даже «грецизирующий начерк» [5, с. 85] их рукописания. Однако здесь нужно внести несколько уточнений. Во-первых, копирование не является, да и не может являться, абсолютным. В ряде случаев переводчики отходят от него без видимых причин, даже там, где оно не противоречило бы языковому узусу (вместе с тем последовательно следуют этой методике, когда возможности церковнославянского языка могли бы вполне транслировать замысел оригинала и без «слепок» с греческого). К тому же копирование греческого не было чуждо церковнославянскому искони: с момента его появления в нём была заложена сильная грецизирующая тенденция, которая проявляла разную степень интенсивности в различные эпохи, но неизменно лежала в основе техники перевода. Так, обилие словосложений, субстантивированный инфинитив, использование греческих синтаксических оборотов ни в коей мере нельзя отнести к результату применения «грекофильской» методики Славинецким: эти и некоторые другие черты давно вошли в церковнославянский язык и сформировали его образ, который заменял языковую норму. В конце концов, Славинецкий, подражая греческому оригиналу, не только стремился к сохранению первообраза (греческого текста), но и к воссозданию чистоты образа (церковнославянского текста), в которой виделся ему залог сохранения фундамента православия.

Во-вторых, у каждого из представителей данного направления были свои собственные языковые предпочтения, образующие зачатки индивидуальности авторского стиля; были такие особенности и у школы в целом – и с греческим языком оригинала они никак не связаны.

В-третьих, их тексты сохраняют такую типичную средневековую черту, как глоссирование. И оно отражает прежде всего рефлексию переводчика по отношению к избранному им методу перевода, делая его не столь однозначным.

Следующие рассуждения посвятим именно индивидуальному началу в переводе «Богословия» Епифанием Славинецким. Поскольку грекофилам обычно отказывают в проявлении индивидуальности, надеемся если не разрушить, то несколько поколебать сложившийся в научной литературе стереотип. Кстати сказать, на наш взгляд, сама приверженность греческому подтексту – в той степени, в какой она в общем была свойственна представителям этого направления, – может, безусловно, рассматриваться как мощное оригинальное стилистическое начало, присущее не одной личности, но школе – и эту школу формирующее и выделяющее.

Много говорилось (например, в [6]) о копировании приставок в структуре греческого слова и переносе их в славянский текст. Воспроизведение приставки или, наоборот, изъятие её из структуры славянского слова на том основании, что греческий эквивалент её не имеет, приводили порой к таким результатам, которые вне грекофильской идеи выглядели достаточно курьёзно даже для современников, в тексте же производили эффект стилистического снижения – если смотреть на него в отвлечении от принципов, по которым он создавался. Примером такого нарочитого употребления приставки можно считать слова типа **ПОДДѢЛАТЕЛЬНОЕ** (ὑπ-ουρυκόν) ‘служебное’ (Сл., л. 5 об., глосса), **СПАКИ** (ἀνά-παλι) ‘снова’ (Сл., л. 6), **ПРИВРЕМЕННА** (πρόσ-καιρον) ‘временного, преходящего’ (Сл., л. 19) и т. п. Примеры удаления префикса, если его нет в структуре греческого слова: **КАЖУТСА** (Сл., л. 25) – παιδεύονται (глосса: **НАКАЗЫЮТСА**), **ЧИЩЕНІЕ** (Сл., л. 45 об.) – κάθαρσις; **ЛОЖЕНІЕМЪ** (Сл., л. 46) – θέσει (глосса: **ПОЛОЖЕНІЕМЪ**) и т. п.

Но есть и противоположное явление: наделение приставкой слова, в греческом эквиваленте которого префикс отсутствует, например: **ВОЗПЛОДСТВУЙ** (Сл., л. 17 об.) – κάρπωσαι, **ВЖИЛИТЬ** (Сл., л. 42 об.) – νεύρωσθι, **ВОЗТОМИТЬ** (Сл., л. 54) – τιμωρήσεται и т. п. Объяснение этому явлению лежит в греческих соответствиях, которые представляют собой формы аориста или будущего времени, так что приставкой славянские слова Славинецкий наделяет для того, чтобы соблюсти видовременное соответствие: греческий аорист передавался обычно глаголами совершенного вида, как и будущее, для синтетического обозначения которого требовался глагол совершенного вида. Категория вида в то время находилась ещё в стадии формирования, но эти частные наблюдения, несомненно, должны дополнить общую картину восприятия в XVII в. форм, которые могут рассматриваться с современной точки зрения как видовые. В таком использовании префиксов, безусловно, есть логика, заложенная греческим оригиналом, но она непрямолинейна, не вписывается в картину слепого копирования приставочных образований и может рассматриваться как проявление индивидуального подхода переводчика к данной проблеме.

Другим общим местом, обычно служащим подтверждением однозначного следования за греческим оригиналом, является перевод Славинецким словосложений. Действительно, нестандартных переводов в сфере словосложений не так много. Случаев, когда словосложением передаётся простое слово оригинала, мало: среди них вполне традиционные соответствия μοιχοί – **прелюбодѣи** (Сл., л. 56), δημιουργός – **содѣтель** (наряду с **народодѣтель** (Сл., л. 1 об., 2, 5 об. и многие др.)), менее распространённое λιχνότερος – **ласкосердшій** (Сл., л. 18).

В ряде случаев переводчик сомневается, в какой последовательности разместить части слова, так что предлагает оба варианта (один – в основном тексте, другой – глоссой), например: **доброненавистныи/ненавистнодобрыи** (Сл., л. 26) – μισόκαλος, **мѣжеблагости/блгѣмѣжества** (Сл., л. 50 об.) – ἀνδραγαθήματα, **противобожный/бгѣпротивный** (Сл., л. 52) – ἀντίθεος. Если рассматривать внимательно каждый такой фрагмент, можно уловить внутреннюю логику таких сомнений переводчика. Так, в первом из приведённых примеров глоссированный вариант точнее передаёт структуру греческого эквивалента, но вариант основного текста даёт микрофрагменту внутреннюю рифму: **завистный и доброненавистный дѣмонъ**.

Наконец, можно отметить и гиперкорректный перевод: **сїе оубѣ гавляетъ бгѣмѣжное дѣланїе. пакѣ мѣжебожившѣса бгѣ, сирѣчь вочлѣившѣса** (Сл., л. 38 об.) – Τοῦτο οὖν δηλοῖ ἡ θεανδρικὴ ἐνέργεια, ὅτι ἀνδρωθέντος Θεοῦ ἤγουν ἐνανθρωπήσαντος. Перевод **мѣжебожившѣса** мог возникнуть как под влиянием присутствия сходного (и правильно передающего греческий композит) **бгѣмѣжное**, так и в результате гиперкорректного восприятия суффикса пассивного аориста (θε-) как основы со значением ‘Бог’ (ср. θεός).

При, казалось бы, неотступном следовании оригиналу встречаются случаи расхождения с ним, которые могут быть объяснены только влиянием содержательной стороны переводимого памятника. Так, во фрагменте τῆ τῶν θαυμάτων σαγήνῃ πρὸς τὸ φῶς τῆς θεογνωσίας ἐκ τοῦ βύθου τῆς ἀγνωσίας αὐτοὺς ζωοῦντες ἀνήγαγον (*сетью чудес своих извлекли их из глубины неведения к свету Богопознания* (кн. I, гл. 3)) Славинецкий не сохраняет корневой повтор, свойственный оригиналу и первому переводу (**оубѣдѣнью – невѣдѣнїа** (ИЭБ, л. 24 а–b)): **чюдєсть мрежєю кѣ свѣтѣж Б(о)гознанїа из’ глѣбины невѣжєства живоловацє ѿ воз’вождахѣ** (Сл., л. 2). Это интересно с той точки зрения, что, повторим, во-первых, данный однокорневой повтор присутствует в греческом тексте, а во-вторых, ничто в церковнославянском узусе не препятствовало к его воспроизведению (что мы наблюдаем в первом переводе). Такое же расподобление мы обнаруживаем в переводе кружка князя А.М. Курбского, выполненном столетием ранее: **бжѣствен’наго познанїа и невѣденїа** (Курб., л. 3 об.) – так переводит князь латинские *agnitionis Dei* и *ignorantiae* соответственно. Исторически латинские *agnitio* и *ignorantia* содержат один и тот же корень, но видел ли их генетическую связь переводчик кружка Курбского – неизвестно. Так или иначе, и Курбский, и Славинецкий допускают здесь отступление от оригинального текста, что трудно объяснить переводческой небрежностью, особенно в случае работы чудовского иеромонаха, который тщательно следил за логикой оригинала. Вероятно, именно расподобление в обозначении человеческого (не)знания

и богопознания (что, в общем, тоже является действием человека, но здесь оно освящено первой частью словосложения) лежит в основе такого распределения переводческих эквивалентов.

Не обошлось в переводе и без иноязычных влияний. Епифаний Славинецкий, по одним сведениям, был по происхождению украинец, по другим – белорус, но влияния родного наречия и югозападнорусской языковой стихии вообще на свой перевод он тщательным образом избегал. С некоторыми оговорками можно отнести к такому влиянию редкие для него лексические единицы типа **шаръ** ‘цвет, краска’ (Сл., л. 15 об.), **глієватость** ‘липкость’ (Сл., л. 21), **нстрошатнса** ‘рас-трачиваться, расходовать’ (Сл., л. 16 об.), **вага** ‘весы’ (Сл., л. 14 об., 15 об.), **през** ‘через’ (Сл., л. 30 об.) и некоторые (немногие) другие.

Известен факт, что Славинецкий не включил в переводческую группу, призванную работать над новым переложением Священного Писания, Симеона Полоцкого из-за того, что тот хорошо знал латинский язык, но не знал греческого, а знание латыни в этом труде, по мнению Славинецкого, видимо, могло только исказить необходимый результат. При этом сам Славинецкий латынь знал хорошо. И это знание невольно проступало и в его переводах с греческого, хотя крайне редко. Несколько случаев такой латинской интерференции – как мы интерпретировали данные факты – изложим ниже.

Два прилагательных – εὐμενής (‘благожелательный’) и δυσμενής (в субстантивированном употреблении – ‘враг’) – Славинецкий переводит как **бл̄госерд̄ный** (Сл., л. 7 об.) и **зло̄умникъ** (Сл., л. 55) соответственно. При этом даёт глоссы: в первом случае – **бл̄госерд̄ный**, во втором – **врагъ**. Глоссы представляют собой семантически адекватный эквивалент, варианты основного текста – этимологизирующие структурные кальки. Понятно, что εὐ- традиционно передаётся как **благо-**, а δυσ- – как **зло-**. Вопрос в том, почему вторая часть этих композитов передаётся корневой морфемой *ум*. Надо заметить, что греческое слово μένος, безусловно этимологически родственное латинскому *mens* ‘ум’, в классическом греческом имело значение силы, жизненной силы, сильных эмоций, гнева. Словарь также отмечает значение ‘намерение’, но ранним употреблением, у Гомера [7, т. 2, с. 1071]. Словарь Софоклеса (греческого языка византийского периода) не приводит слова вообще, зато фиксирует латинское заимствование μένος, отсылая нас к словоупотреблению Плутарха [8, р. 759]. Здесь мы вступаем, конечно, на зыбкую почву спекуляций: знал ли Славинецкий древнее значение слова, восстановил ли его сам, пользовался ли заимствованием – нам неизвестно. Но логичнее, на наш взгляд, предположить, что в уме он связал этот корень с латинским *mens* и, опираясь на близость (и родство) латинского и греческого корней, использовал их в своём переводе¹.

Похожий – и более однозначный – случай представлен вариантом перевода греческого глагола μεμνημεθα (букв. ‘мы были посвящены (в какое-то знание)’): к переводу в основном тексте **на̄вчӣхомса** (̄̄ **св̄ащен̄ныхъ на̄вчӣхомса словесъ**) Славинецкий даёт на полях глоссу **поман̄ѡм** (̄̄ **св̄ащен̄ныхъ поман̄ѡм словесъ**) (Сл., л. 8). У глагола μύω не было никогда соответствующего значения,

¹ Ср.: в Лексиконе Фёдора Поликарпова слово εὐμενής выступает эквивалентом славянскому **добр̄осерд̄ный** (ЛФП, л. 39).

разночтения в греческом тексте в данном фрагменте Ж.-П. Минь не даёт. Остаётся предположить, что форма перфекта μεμνήμεθα напомнила Славинецкому созвучный латинский глагол *memini* ‘вспоминать, помнить’, который сохранил только древнюю перфектную основу с начальным удвоением (свойство, которое греческий язык сохранил, а латинский рано утратил).

Новых заимствований как таковых в переводе Славинецкого относительно немного: он прибегает к ним только тогда, когда ему не хватает терминов церковнославянского, чтобы адекватно передать изложенные Дамаскином факты по географии, астрономии, этимологии: терминосистема естественных наук была ещё не разработана, а объяснять происхождение греческих слов на материале их перевода невозможно. Эти заимствования, как правило, имеют статус окказионализмов, например: **лмармени** (Сл., л. 24) – εἰμαρμένη ‘судьба, жребий’, **εμβολімость** (Сл., л. 15 об.) – ἐμβόλιμος (букв. ‘вставной’) ‘добавочный месяц в еврейском календаре’, **холось**, **мнісь**, **котось** (Сл., л. 20 об.) – χόλος, μῆις, κότος (синонимы со значением ‘гнев, ярость’) и некоторые другие. Слово может заимствоваться из греческого повторно – в новом значении: так, слово λεπτόν, которое в славянском имело значение ‘мелкая монета’ (**лепта**), заимствуется вновь в терминологическом значении ‘60-я часть градуса, минута’ (Сл., л. 15 об.). В этом переводе Славинецкий употребляет и созданный им неологизм **доргносное** (Сл., л. 20 об.), первая часть которого сохраняется «греческой» (ср. δορυφορικόν букв. ‘копьеносное’), а вторая – переведена.

Стремление во что бы то ни стало передать внутреннюю форму греческого слова или приблизить славянское слово к греческому приводят Славинецкого к созданию окказионализмов типа **дєснѣвовати** (Сл., л. 47 об.) – δεξιόμαι ‘приветствовать’ (букв. ‘поднимать правую руку в качестве приветствия’) или **скитство** (Сл., л. 26) – ἄσκησις (букв. ‘упражнение, занятие’) в значении ‘аскеза, духовная практика’. В последнем случае сближение идёт на фонетическом уровне (понимая, однако, что в семантическом плане такой перевод уводит от смысла оригинала, Славинецкий ставит на полях глоссу – **ωβѣченіе**).

В одном случае Славинецкий даёт неправильный перевод многозначного греческого слова: σωματικὸν μέλος ‘телесный член’ он передаёт как **тѣлеснаа пѣсьнъ** (Сл., л. 3 об.), ср. в переводе экзарха Иоанна: **плѣтныи оудъ** (ИЭБ, л. 47 об.). Примечательно, что такую же ошибку допустил в своё время Курбский: в его переводе *melos* (а именно так передано греческое слово в латинском переводе – видимо, и западные книжники не решили, какое значение греческого μέλος уместно в данном случае) представлено как **воспеваніе** (Курб., л. 8 об.). Возможно, переводчиков смутило то, что в контексте говорится об устах Бога (а это не телесный член, что как раз и подчёркивает Дамаскин²), и это спровоцировало их подумать о значении ‘мелодия, песня’.

Есть у Славинецкого и некоторые языковые особенности, не связанные с зависимостью от греческого оригинала. Это индивидуальные предпочтения в словоупотреблении, которые касаются как отдельных слов, так и целых

² Ср. в современном переводе: «...но Дух посылаемый, созидающий, утверждающий и сохраняющий не есть дыхание исчезающее, равно как и уста Божии – не член телесный, но то и другое должно разуметь богоприлично» (СвИД, с. 116).

(словообразовательных) их типов. Так, Славинецкий в качестве перевода греческого φίλος ‘друг’ употребляет слово **любимичь (любимычь)** (Сл., л. 23 об., 49). Конечно, и тут он стремится как можно точнее передать смысл греческого слова, соотносимого с глаголом φιλέω ‘любить’, но морфемное оформление славянского эквивалента – это уже область индивидуального. Следует сказать, что это же слово употреблял Евфимий Чудовский, ученик Славинецкого [3, с. 269]. Оно не встречается ни в одном из исторических словарей русского языка, кроме Лексикона Фёдора Поликарпова (ЛФП, л. 164 об.), который был выходцем чудовской школы и, вероятно, зафиксировал это словоупотребление как типичное для её представителей.

Кроме того, не может не броситься в глаза склонность Славинецкого к глаголам на *-ствовати(ся)*: Епифаний, утяжеляя морфемную структуру слова, создаёт такие образования, как **простотствовати, поверхствовати, словствовати, ѡмствовати, возсловствовати, веществвовати, разчаствовати, крѣпотствовати, возплодствовати, деснствовати, ненавнствоватиса, копействовати, истинствовати, сомнительствоватиса, цѣломѡдрствовати, исчезнствоватиса, сѡмнатствоватиса, лѣпотствовати, временствовати, народствовати, ѡтробствоватиса, предѹпостаствовати, характерствовати, ѡгнствоватиса, преимѡществовати, пронагльствовати, послѡжбествовати, печатствоватиса, возлицемѡрствовати, безмоцествовати, безтлѣтелствовати** и многие другие. Дополнительный материал дают глоссы, когда подобные глаголы выступают как варианты к глаголам с упрощённой морфемной структурой, например (первая лексема – основного текста, вторая – глосса): **безтлѣтелствожемымъ – безтлѡщымса** (Сл., л. 60), **ѡмѡетса – ѡмствѡетса** (Сл., л. 9 об., 43, 43 об.), **ѡдѡстоѡтиса – ѡдѡстойствоватиса** (Сл., л. 23 об.), **"внса - "вствовас#** (Сл., л. 45 об.).

Появление таких глаголов если и связано как-то с греческим текстом, то косвенно: некоторые (но далеко не все) из них представляют собой эквиваленты греческим словам, для которых трудно подобрать соответствие в одно слово. Например: **копействовати** ‘пронзать копѣм’ (греч. λογχεύω), **истинствовати** ‘говорить истину’ (греч. ἀληθεύω), **крѣпотствовати** ‘иметь силу’ (греч. ἰσχύω) и т. п. Другие являют собой стремление передать внутреннюю форму греческого слова – для них выбирается продуктивная в данном тексте словообразовательная модель, например: **временствовати** ‘оставаться’ – χρονίζω (ср. χρόνος ‘время’), **ѡтробствовати** – σπλαγχνίζομαι ‘жалеть’ (ср. σπλάγχνον ‘внутренность, утроба’) и т. д. С другой стороны, в ряду этих глаголов есть и такие, которые в языке имели структурно более простые эквиваленты с тем же значением (**сомнительствоватиса** – ср. **сомнѣватиса**, **исчезнствоватиса** – ср. **исчезати**, **ненавнствоватиса** – ср. **ненавидѣти** и т. п.).

Морфемное нагромождение можно объяснить также проникновением эстетики барокко во все сферы, в том числе и в книжно-переводческую. Из всех исторических словарей опять же Лексикон Поликарпова даёт наибольшее количество фиксаций глаголов такого типа. По всей видимости, такое словоупотребление было одной из «печатей» чудовской школы.

Индивидуальное в переводе Епифания проявляет себя и в передаче им цитат из Священного Писания. Известно, что Епифаний Славинецкий работал над новой редакцией Писания. В 1663 году при его участии была издана так называемая Московская Библия (МБ) – отредактированный вариант Острожской (ОБ), но она содержала не очень много исправлений. С 1673 года Епифаний возглавил работу по созданию нового перевода Библии. Но новый перевод начинается фактически с его трудов по переложению на церковнославянский язык святоотеческих сочинений, поскольку они содержали большое количество цитат и ссылок на Писание. Цитаты, встретившиеся в «Богословии», он всегда переводил заново, не повторяя ни один из тех текстов, которые он потом использует в своей работе по созданию новой версии Библии. При передаче цитат принципы грекофильской школы были для него важнее традиции. В этом, кстати, он сближается с первым переводчиком, болгарским экзархом, который также предпочитал переводить цитаты сам. Приведём несколько примеров для сравнения.

Цитата из (Быт 1:2) повторяется в тексте дважды – сначала в более полном виде, затем в сокращённом и чуть изменённом грамматически:

1) Καὶ σκοτός ἦν ἐπάνω τῆς ἀβύσσου καὶ Πνεῦμα θεοῦ ἐπέφερετο ἐπάνω τοῦ ὕδατος (греч.);

• и тма [вѣ] верхѹ бездны. и дхѣ бжїи ношашесѧ верхѹ воды (ОБ, л. 1), то же в (МБ, л. 10);

• и тма вѣ повышше бездны, и дхѣ бжїи наошашесѧ повышше воды (Сл., л. 16);

2) πνεῦμα θεοῦ τοῖς ὕδατιν ἐπέφερετο (греч.);

• дхѣ бжїи поношааше са по водамѣ (ИЭБ, л. 242 об.);

• дхѣ бжїи водамѣ над'ношашесѧ (Сл., л. 44 об.).

Как видно из этих примеров, Славинецкий сохраняет префиксы в структуре слов там, где они есть в греческих словах, в своём стремлении явить внутреннюю форму слова уходя от традиционного звучания этой цитаты. Во втором случае, когда цитата воспроизводится неточно, экзарх Иоанн тоже сохраняет приставку в структуре глагола, но перестраивает фразу в соответствии с грамматическими нормами славянского языка, Славинецкий же сохраняет и греческий синтаксис фразы (глагольное управление).

Рассмотрим переводы цитаты из (Ин 6:53, 55, 57):

• Ἐὰν μὴ φάγετε τὴν σάρκα τοῦ υἱοῦ τοῦ ἀνθρώπου καὶ πίητε αὐτοῦ τὸ αἷμα, οὐχ ἔχετε ζωὴν ἐν ἑαυτοῖς. Ἡ γὰρ σὰρξ μου ἀληθὴς ἐστὶ βρῶσις καὶ τὸ αἷμα μου ἀληθὴς ἐστὶ πόσις... Ὁ τρώγων με ζήσεται (греч.);

• аще не гасте плѣти снѧ члвча, не имать жизни вѣчныга, небонѣ плѣть м(о)га истиннаѧ естѣ ѣдь, и крѣвь моѧ истинное естѣ питье... ѣдын ма, живеть (ИЭБ, л. 272–272 об.);

• а(ще) не снѣсте плоти снѧ члвча. ни пьете е(гв) крове. не їмате жи(знь) в со(вѣ)... Пло(ть) во моѧ истинно е брашно і кро(вь) моѧ истинное пиво... и їдын ма. и тѣ живѣ бѣде(тѣ) [ме(не) ра(ди)] (ЧудНЗ, л. 44 об.);

• **аще не снѣсте плоти сн̄а чл̄ческаго. и пїете кровь его, живота не имате в' себѣ...** Плоть бо моя истинно е(сть) брашно, и кровь моя истинно е(сть) пиво... и ядыи ма, и той живъ бѣдетъ [мене ради] (ОБ, л. 47 об.);

• **аще не снѣсте плоти сн̄а чл̄ческагѡ. ни пїете крове егѡ, живота не имате в' себѣ...** Плоть бо моя истинна есть брашно, и кровь моя истинна есть пиво... и ядый ма, и той живъ бѣдетъ [мене ради] (МБ, л. 441);

• **аще не гасте плоти чл̄ескїа. и пїете егѡ кровь, не имате жизни в' себѣ...** Плоть бо моя истиннаа есть ядь, и кровь моя истинное есть питїе... ядай ма, поживетъ (глосса жити бѣдет) (Сл., л. 47 об.).

По словоупотреблению перевод этого фрагмента у Славинецкого ближе всего к первому переводу (*жизнь, ядь, питие*). Приставочная форма **поживетъ** передает не структуру греческого глагола, а его временное значение (будущее время), для чего переводчику требуется изменить вид глагола на совершенный: настоящее время в значении будущего, как это было в переводе Экзарха, уже не представляется ему адекватным греческому тексту (примеры, подобные этому, мы описывали выше). На поля Славинецкий выносит не традиционный перевод, как кажется на первый взгляд (адъектив заменён инфинитивом), а аналитический вариант формы будущего времени.

Свои эксперименты по передаче цитат из Писания Славинецкий потом в большинстве случаев закрепляет в новой редакции Нового Завета, которую он успел завершить до своей кончины (НЗ Сл.).

Невозможно говорить о переводе Епифания и не остановиться на вопросе глоссирования, которое отличается у представителей чудовской школы интенсивностью и многообразием. Однако материал этот столь обширен для описания, что ограничимся здесь кратким выводом из нашего исследования данной проблемы: следует признать, что глосс, не связанных непосредственно с заданностью греческого оригинала, будь то глоссы лексического, словообразовательного или грамматического характера, в переводе Епифания Славинецкого значительно больше. Это свидетельствует о том, что перевод его не является мёртвым слепком греческого текста: в нём продолжают развиваться и проходить испытание практикой основные важные для языка того периода тенденции: становление и укрепление парадигматических связей как в лексике, так и в грамматике, выработка стилистических норм, становление терминосистемы и т. д.

Всё это не позволяет дать какую-то однозначную оценку такому явлению, как грекофильское течение, в истории русской переводной книжности. Во всяком случае некое «нарушение линейности» [6, с. 205] выдаёт в грекофилах склонность к языковому эксперименту, необходимому для выбора дальнейшего пути языка духовной литературы.

Summary

N.G. Nikolaeva. Individual Peculiarities in the Translation Work of Epiphany Slavinetsky.

The article considers various expressions of individual style in the translations of the outstanding representative of the Graecophile movement – Epiphany Slavinetsky. His translation

of “Theology” by John of Damascus is taken as an example. The purpose of the research is to reveal a still unstudied aspect of the work of Graecophiles, which represents a realization of their ideologically based understanding of accuracy in rendering a Greek text. The article also deals with a number of special issues on the history of literary language in general and Epiphany’s translation techniques in particular.

Keywords: history of the Old Church Slavonic language, Graecophiles, Epiphany Slavinsky, translation theory, Greek-Slavic parallels, interlingual interference.

Источники

- Сл. – Сборник переводов Епифания Славинецкого. – М.: Печатный двор, 1665. – 410 л.
- ЗК – *Дамаскин Иоанн*. Преподобного Отца нашего Иоанна Дамаскина монаха и пресвитера Иерусалимского Изложение Православной веры обстоятельное, или Богословия. – М., 1774. – 174 л.
- ИЭБ – Des hl. Johannes von Damaskus Ἐκθεσις ἀκριβῆς τῆς ὀρθοδόξου πίστεως in der Übersetzung des Exarchen Johannes: in 4 Bd. / Hrsg. von L. Sadnik. – Wiesbaden: Otto Harrassowitz; Freiburg i. Br.: U.W. Weiher, 1967–1983.
- Курб. – Die Dogmatik des Johannes von Damaskus in der Übersetzung des Fürsten Andrej M. Kurbskij (1528–1583) / Hrsg. von J. Besters-Dilger. – Freiburg i. Br.: Weiher, 1995. – LXXX, 953 S.
- ЛФП – *Поликарпов Ф.* Лексикон трехязычный, сиречь речений славенских, еллиногреческих и латинских сокровище. – Москва, 1704. – 404 л.
- СВИД – *Св. Иоанн Дамаскин*. Источник знания. – СПб.: Наука, 2006. – 360 с.
- ЧудНЗ – Чудовский Новый Завет. – М.: Унив. тип., 1892. – 339 с.
- ОБ – Библия. – Острог, 1581. – URL: <http://www.vechnoe.info/bible/pdf>, свободный.
- МБ – Библия. – Москва: Печатный двор, 1663. – 516 л.
- НЗ Сл. – Новый Завет в переводе иеромонаха Чудова монастыря Епифания Славинецкого (посл. треть XVII в.): Четвероевангелие, Деяния Свв. Апостолов, Послания Свв. Апостолов, Апокалипсис / подгот. изд., исслед. Т.А. Исаченко. – Paderborn; München; Wien, Zürich, 2004. – XXIX, 830 с.

Литература

1. *Калайдович К.Ф.* Иоанн ексарх болгарский: Исследование, объясняющее историю словенского языка и литературы IX и X столетий. – М.: Тип. С. Селивановского, 1824. – 218 с.
2. *Флоровский А.* Чудовский инок Евфимий // *Slavia*. – 1949. – № 19. – С. 100–152.
3. *Исаченко Т.А.* Московская книжность XVI – XVII вв.: переводческая школа митрополичьего и патриаршего скриптория: Дис. ... д-ра филол. наук. – М., 2009. – 576 с.
4. *Strachov O.* The Byzantine Culture in Muscovite Rus’: The Case of Evfimii Chudovskii (1620–1705). – Köln; Weimar; Wien: Böhlau, 1998. – 349 S.
5. *Исаченко Т.А.* Новый Завет «перевода и стяжания» иеромонаха Чудова монастыря Епифания (Славинецкого) посл. трети XVII в. // *Вопр. языкознания*. – 2002. – № 4. – С. 73–92.
6. *Исаченко-Лисовая Т.А.* О переводческой деятельности Евфимия Чудовского // *Христианство и церковь в России феодального периода*. – Новосибирск: Наука, 1989. – С. 194–210.

7. *Дворецкий И.Х.* Древнегреческо-русский словарь: в 2 т. – М.: ГИС, 1958. – Т. 2. – С. 1044–1904.
8. *Sophocles E.A.* Greek Lexicon of the Roman and Byzantine Periods. – Cambridge: Harvard Univ. Press, 1914. – 1203 p.

Поступила в редакцию
24.06.14

Николаева Наталия Геннадьевна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры прикладной лингвистики, Казанский (Приволжский) федеральный университет; заведующий кафедрой латинского языка и медицинской терминологии, Казанский государственный медицинский университет, г. Казань, Россия.

E-mail: natalia.nikolaeva@ksu.ru